

УДК 821.161.1

КОНЦЕПТ *РУССКИЙ* В ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ ЭМИГРАНТСКОГО ПЕРИОДА

© *Башкеева Вера Викторовна*

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова
E-mail: oaelun@mail.ru

Рассматривается концепт *русский* в его модификациях: Русь, Россия, СССР — в лирике Марины Цветаевой периода эмиграции 1922–1939 гг. Мерцающие, частично накладывающиеся смыслы характерны для концептов *Русь*, *Россия*. В целом в них актуализированы смыслы *сказочная*, *небесная*, *поэтическая*, отмечены огромные пространства. Наблюдается этапность в восприятии СССР: от неопределенного пространственного наречия «там» через противоречивое определение «Советороссии» и ироническое «в Эсэсэсэре» до нейтрального «СССР». Все три концепта, разведенные на оси времени, встречаются в стихотворении «Ни к городу и ни к селу...» (1932). Общий признак всех концептов — ощущение горечи, печали человека, покинувшего родину, представление эмигрантов как невезучих, как погорельцев. Характерен конфликт между личностью с ее представлением о себе и страной-загадкой, при этом сохраняется надежда на романтическую идею возвышения Россией своих поэтов как выдающихся, особенных людей.

Ключевые слова: Марина Цветаева; лирика; эмиграция; концепты *Русь*, *Россия*, *СССР*.

Марина Цветаева как поэт Серебряного века стремилась преодолеть границы национального мировосприятия и выйти к универсальному человеческому содержанию, в значительной степени ассоциированному для русских поэтов начала XX в. с культурой Запада.

Эпоха конца XIX — первой четверти XX в. — время острых социальных катаклизмов, революций, вырастающих из некоторых тенденций прежнего российского социального и культурного уклада, при ощутимом вмешательстве западных стран. Революционная эпоха сокрушила прежний образ и стиль жизни поэтов, побуждая их к переменам, осозанным или вынужденным. Оказавшись в 1922–1939 гг. в эмиграции в Европе, Цветаева невольно получила возможность по-новому осознать, прочувствовать свое отношение как к России, так и к Европе.

Концепт *русский* как никакой другой концепт позволяет понять динамику мыслей и чувств поэта в данный период. Именно в эмиграции очень ярко проявляется «русскость» поэта. Рассмотрим динамику воплощения концепта *русский* в лирике Цветаевой этого времени.

Первичный, базовый концепт *русский* воплощен у Цветаевой в качестве характеристики в таких словосочетаниях-образах, как «русская слава», «русская судьбина», «русская рожь» и других. Они связаны с национальной рефлексией, достаточно важны, в совокупности позволяют понять направления образного осмысления поэтом «русскости», но все же подчинены определяемому объекту. Более интересными являются самостоятельные вторичные концепты [1, с. 4]

Русь, Россия, СССР, динамика взаимоотношений которых поможет понять самосознание поэта.

В период до эмиграции для Цветаевой как поэта-романтика важна была поэтизация концепта *Русь*. Условно представляющий за идеализированную историю страны, этот концепт был воплощением привязанности к патриархальной старине: «Цела еще / В серд-цах Русь!», а более всего был воплощением страстности, силы эмоций: «Жива еще/ Мать — Страсть — Русь!» («Новогодняя», 15 янв. 1922 г.). О пути в «сновиденную Русь» пишет она в этом же году («Небо катило сугробы...», 23 февр. 1922 г.).

Эмиграция сразу поставила Цветаеву перед лицом реальности. Концепты *Русь, Россия* начинают существовать параллельно, в зависимости от переживаемого этапа изменяется их смысл. В Берлине через пять месяцев после начала эмиграции она пишет «Рассвет на рельсах» (12 окт. 1922 г.), в котором ощутима сильная тоска по родине, по своей России: «Из сырости и шпал Россию восстанавливаю».

И хотя Цветаева восстанавливает страну из негативно окрашенных составляющих — сырости, серости, сирости, свай и стай, важен сам процесс восстановления, ведь без России, пусть и невеселой, негостеприимной, — невозможно. Есть в этом горечь, тоска, которые неотделимы от концепта *русский*. Страдания ее, начиная с первых дней эмиграции, постоянны: «Дожди за моим окном, / Беды и блажи на сердце» («Рассвет на рельсах»). Есть в этом и обида, ведь она видит эмигрантов «пропавшими навек» «погорельцами». Не случайно чуть позже она осмыслит феномен эмигрантства, эмигрантов как заблудившихся, лишних, но и — с вызовом! — как не отвыкших от выси («Эмигрант», 9 февр. 1923 г.).

Другая особенность концепта связана с ощущением пространств страны, ее размаха, простора и одновременно особой материально-духовной составляющей: «Владением бесплотнейшим Какая разлилась Россия — в три полотнища! Может быть, это то, по чему она и далее будет томиться».

Своеобразного апогея на этом этапе достигают тоска по родине и неприятие «проклятой действительности» в образе поезда, который вынужден уехать от «родимых сел». Цветаева желает, чтобы поезд никуда не приехал, ведь отъехал он от родных мест по великой необходимости, и хорошо бы, застыл в вечном движении в никуда: «Чтобы поезд шел, шел, / Чтоб нигде не останавливался, / Никуда не приходил» («От родимых сёл, сёл...», конец мая 1925 г.).

1926 г. интересен тем, что концепт *Русь* начинает противопоставляться концепту *СССР*, пока еще не названному. В стихотворении «Кто — мы? Потонул в медведях...» (апрель 1926 г.) заметно стремление возвеличить свое поколение, гибнущее в чужих землях от тоски и отчаяния: «И сейчас уже Шарантоны / Не вмещают российских тоск». Между тем это «невезучее» поколение достойно внимания и возвышения: это офицеры, князья, эмигранты, именно они воевали за Русь, спасали ее: «Всю Русь в наведённых дулах / Несли на плечах сутулых». Заслугой их является и то, что они прославили, воспели сказочную Русь: «Это мы пустили славу: — Хороша! хороша — Русь!».

Противопоставленная сторона не называется, следует почти апофатическое молчание [8]. *Руси* противопоставлено *Там*, в наречном именовании которого ощутимы неприятие СССР и одновременно сакрализация пространства, трепет,

вызов, бросаемый новой реальности. Складывается картина, когда современное поэту и близкое ей по духу и социальной принадлежности поколение оказывается связано с уходящей реальностью Руси.

Через месяц в стихотворении «С моря» (май 1926 г.) страна будет названа Советороссией. Появившееся имя представлено субстанциально противоречиво, и это характерно для Цветаевой, у которой «развеянные звенья причинности» и есть основа связи поэтических смыслов» [6, с. 57]. С одной стороны, Цветаева комплиментарна, как будто преклоняется и даже заискивает: Москву роднит с морем, Советороссию — с Океаном. С другой стороны, желает властвовать над этим океаном. Ее не устраивают внешние формы советской власти, она хочет упразднить красную звезду и дарит «морей звезду», которая приведет к краху корабля по имени Россия.

И другой, привычный уже мотив, связанный с родиной, — печаль, слезы и одновременно — желание их скрыть, сохранение позы силы и гордости.

Идеализация Руси приобретает новые черты в стихотворении «Новогоднее» (7 февр. 1927 г.). Русь интерпретируется как тот свет, как квинтэссенция жизни. Незаметно концепт, связанный с Русью как прошедшим началом, начинает сливаться с пониманием настоящей России. Временные и пространственные параметры начинают сливаться. «...Связь кровная у нас с тем светом: / На Руси бывал — тот свет на этом / Зрел».

Той страны нет, но живет надежда, что Россия все же превозносит своих поэтов, что поэты лучше и выше всех насельников страны. Возвеличивание поэтического творчества, поэта как вестника богов, как особой, отмеченной судьбой личности — этот романтический подход весьма характерен для Цветаевой. Частично данная идея прослеживается в стихотворении, адресованном В. Маяковскому, в котором от именованной «Рассея-матушка» она вынужденно переходит к ироничному именованию «Эсэсэсер»: «А что на Расее — / На матушке? — То есть / Где? — В Эсэсэсере / Что нового? — Строят» («Советским вельможей», авг. 1930 г.).

В начале 1930-х гг., наиболее последовательно в 1931 г., Цветаева, размышляя о первом русском поэте Пушкине, не только продолжает развивать романтический миф о поэте, но и утверждает себя как поэта, а значит — как лучшего, достойного, по-своему высшего существа. Быть может, «уход в мир поэзии, равнозначный уходу в иной, высший мир, был для Марины Цветаевой, «беспощадной в своей внешней самооценке», возможностью сбываться «по образу своей души» [3, с. 156]. В любом случае, имя и судьба Пушкина становятся формой осмысления своей собственной судьбы.

Цветаева пишет о «пушкинском бунте», «белом бешенстве», представляя Пушкина более живым, чем живые, борясь с идеей монументализации поэта («Бич жандармов, бог студентов», 25 июня 1931 г.). Одновременно она радикализует Пушкина, показывая его вечным борцом с властью и государством. Идет вслед за расхожим мифом и называет Николая Первого «певцубийцей» («Потусторонним...», 12 июля 1931 г.). Между тем вспомним, Пушкин в своем поступательном развитии отошел от юношеского западнического радикализма и противопоставления себя целому русской жизни и судьбы.

И как результат поэтических бдений о Пушкине скрытая надежда, не являюсь ли я как поэт все же нужной своей стране, Руси, этой вечной исторической субстанции, этой вечной земле: «А быть или нет / Стихам на Руси — / Потоки спроси, / Потомков спроси («Не нужен твой стих...»), 14 сент. 1931 г.).

Чуть ранее написано сильное в своем прозрении и отчаянии стихотворение «Страна» (конец июня 1931 г.). Цветаева как будто окончательно прощается с идеей Руси и говорит о «той России». Она включает в себя и сказочную Русь с ее «небесными царствами», и великую пространствами, «несчетными верстами» Россию, и, немаловажно, ушедшую молодость Цветаевой: «С фонарем обшарьте / Весь подлунный свет! / Той страны на карте — / Нет, в пространстве — нет». Причем страна не просто исчезла, перед исчезновением она сурово поступила со своими чадами, сбросив их почти что в пропасть.

Отчаянная констатация исчезновения страны, конечно, не означает покоя ума и души — сердце поэта продолжает болеть. Приблизительно в это же время сквозь морок жизни в буржуазном, «вашем» Париже видится ей прекрасная далекая родина: «Россия моя, Россия, / Зачем так ярко горишь?» («Лучина», июнь 1931 г.).

Понимание буржуазной сути европейской культуры и иной природы России ясно осознано Цветаевой в статье «Поэт и время» (январь 1932 г.), в которой противопоставлены русские «множества» — европейским «группам», «арены и трибуны» — «зальцам», «этическое событие выступления» — «литературным вечерам»: «Не тот масштаб, не тот ответ». И горькая констатация, что «вся Россия» осталась там, а здесь только воспоминание о прошлой России [2].

По-настоящему страной поэтов и мыслителей является только Россия. Она становится для Цветаевой «пределом земной понимаемости», за которым уже нет земли, там «не-земля», небеса, космос, запредельность. И чудная цитата из Рильке: «Есть такая страна — Бог, Россия граничит с ней» [7]. Через два года «Господней страной» назовет Россию Цветаева («В стране, которая одна...», 23 окт. 1934 г.). Небесная, поэтическая суть России резко отделяет ее от всего буржуазного, непоэтического мира.

В 1932 г., по словам исследователя, «Россия станет главной аксиологической доминантой художественного сознания Цветаевой» [9]. Мифологизация страны продолжается в «Стихах к сыну» («Ни к городу и ни к селу...», январь 1932 г.), где впервые Цветаева — не очень желая, противоречиво — связывает страну с будущим. Формально она не признает СССР синонимом понятия «своя страна», страна сына, но фактически делает это. Все три концепта наконец сошлись здесь: «Русь — прадедам, / Россия — нам, / Вам — просветители пещер — / Призывное: СССР».

Признание поколенческой разницы, когда у детей нет будущего без своей страны, без своего дома, побуждает Цветаеву признать, что СССР — «в на-Марс» страна, страна будущего. Горечь в том, что страна настоящего, страна масс — страна «без-нас», без поколения эмигрантов.

В знаменитом стихотворении «Родина» (12 мая 1932 г.) метафизическая суть России воспринята и осмыслена Цветаевой достаточно ясно. Прийти к признанию России как родины для Цветаевой — шаг мужества. С одной стороны, она признает за народом («мужиком») поэтическое, т.е. божественное право петь:

«Россия, родина моя!», с другой — сама-то поет: «Чужбина, родина моя!». Загадка понимания страны мучила ее и до эмиграции, ведь и «с калужского холма» страна открывалась как даль, как тридевятая земля.

Здесь, как и в большинстве стихотворений Цветаевой о России, ощутим внутренний конфликт между личностью и страной. Соединить понятия «Россия» и «родина» в единое целое необыкновенно трудно для нее, ведь в ней по-прежнему клокочет боль от разъединенности с родиной-домом при признании родины как «рока», как места роковых конфликтов — «распрь моих земля». При этом «рок всегда выступает как чуждая сила, которая... оказывается агрессивно настроенной по отношению к героине» [5].

Цветаева осознает невозможность отделить свою жизнь и судьбу от России, но не хочет или не может признать это, ведь родина соотносится не только с чужбиной, но и с гордыней: «Гордыня, родина моя!». Таким образом, в концепте *Россия* два нестыкующихся, борющихся между собой смысла: признание вечности родины в своей душе и судьбе и — желание отдалить ее от себя, утверждение гордыни как качества личности.

Принцип противоборства, перерастающий в ментальное противоречие, создающее нерв стиха, не оставляет ее. Теперь она борется «криком» [4, с. 64] с мыслью о наличии ностальгии: «Госка по родине! / Давно/ Разоблаченная морока!» («Госка по родине», 3 мая 1934 г.).

Ощущение выбитости из жизни, вытесненности, униженности, непонимаемости, превращения в пустоту («Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст...») — острое в условиях западного буржуазного мира («доильцы сплетен») — ведет к выставлению горького счета родине: «Так край меня не уберег/ Мой...».

И по-своему завершающее нашу тему произведение «Двух станов не боец, а — если гость случайный» (25 окт. 1935 г.) она напишет в середине 1930-х гг., и в нем выведет себя из повседневности, из истории, а значит, и из политики, в пространство поэзии, «лиры», в пространство Пушкина. Опираясь на идею А.К. Толстого «двух станов не боец», М. Цветаева откажется и от Домостроя (Руси), и от Днепростроя (СССР). Тем самым она выводит себя и из пространства России, хочет встать над историей, над настоящим днем страны, над страной.

Это желание постулировать свою дорогу и позицию объясняется яростным неприятием идеологии не только советской страны, но вообще всякой общественной идеологии: «Вы требовали: нас — люби! тех — ненавидь!». Она жаждет тотально выйти из-под власти любой детерминированности.

Цитируя Пушкина: «Ты царь: живи один», Цветаева здесь не соглашается с ним, ведь один может быть только Бог. А поэт, он между двумя началами, которые не выбирает, так как по сути своей является «противубойцом», бойцом против всего. Выбирая такую позицию, Марина Цветаева остается в рамках романтического мифа о поэте и тем самым обрекает себя на продолжение жизненной драмы в отношениях с Россией.

Литература

1. Башкеева В. В. Изучение концептов в литературе Бурятии транзитивного периода // Концепты в литературе Бурятии транзитивного периода: коллект. монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. С. 3–9 (Русский национальный текст. Вып. 4).

2. Гаспаров М. От поэтики быта к поэтике слова // Цветаева М. Статьи и тексты. Wien, 1992. С. 5–16.
3. Горчаков Г. К источникам трагического у Марины Цветаевой // Цветаева М. Статьи и тексты. Wien. 1992. С. 147–160.
4. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. Москва, 2004. 256 с.
5. Павлова Т. Л. Конфликтосфера поэзии Марины Цветаевой: автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 2013. 16 с.
6. Фатеева Н. А. Поэтика противоречий Марины Цветаевой // Русский язык в школе. 2006. № 4. С. 55–61.
7. Цветаева М. Поэт и время [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/poet-i-vremya.htm> (дата обращения: 22.08.2019).
8. Эпштейн М. Русская культура на распутье. Секуляризация, демонизм и переход от двоичной модели к троичной [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emory.edu/INTELNET/cr0.html> (дата обращения: 22.09.2019).
9. Polechina Maja. Репрезентация концепта в поэтическом творчестве Марины Цветаевой [Электронный ресурс]. URL: http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Polilog_Studia_Neofilologiczne/Polilog... (дата обращения: 22.09.2019).

THE CONCEPT “РУССКИЙ” IN LYRIC POETRY BY MARINA TSVETAEVA IN EMIGRATION

Vera V. Bashkeeva

Dr. Sci. (Phil), Prof.

Dorzhi Banzarov's Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000, Russia

The article reviews the concept "русский" ("Russian") in its modifications — *Rus*, Russia, the USSR — in the lyric poetry by Marina Tsvetaeva during her emigration from 1922–1939. Flickering, partially overlapping meanings are characteristic for the concepts of Russia. In general, they have actualized fabulous, heavenly, poetic meanings, enormous spaces marked. A certain phasing in the perception of the USSR can be observed: from an indefinite spatial adverb "там" ("there"), through the contradictory definition of "Советороссия" ("Sovietrussia") and the ironic "в Эссэссэре" ("in the Ussr"), to the neutral "USSR". All three concepts, divorced on the axis of time, are found in the poem "Neither to the city nor to the village..." (1932). A common sign of all concepts is a feeling of bitterness, sadness of persons who have left their homeland, the idea of emigrants as unlucky fire victims. There is a conflict between a person with his idea of himself and a mystery country, while the author hopes for the romantic idea of Russia raising its poets as outstanding, special people.

Keywords: Marina Tsvetaeva, lyrics, emigration, concepts *Русь, Россия, СССР*.